

**Межкультурные
отношения
на постсоветском
пространстве**

Москва
2017

ББК 60.6

М43

Данная монография подготовлена по результатам проекта РНФ «Эмпирическая проверка применимости политики мультикультурализма в России в контексте мирового опыта» (№15-18-00029).

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ *М.Ю. Мартынова*;
доктор психологических наук, профессор *Т.Г. Стефаненко*

М43 Межкультурные отношения на постсоветском пространстве. Монография под ред. Н.М. Лебедевой. — М.: Изд-во «Менеджер», 2017. — 492 с.

ISBN 978-5-8346-0349-8

В монографии представлены результаты научных исследований сотрудников Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований НИУ ВШЭ по проекту Российского научного фонда «Эмпирическая проверка применимости политики мультикультурализма в России в контексте мирового опыта» (№15-18-00029). Эмпирические исследования межкультурных отношений в русле трех гипотез, предложенных Д. Берри (гипотезы мультикультурализма, контакта и интеграции), были проведены коллективом авторов в центральной России (включая Москву), на Северном Кавказе (Кабардино-Балкарская республика, республика Северная Осетия – Алания, республика Дагестан), а также в Латвии, Литве и Азербайджане. Результаты исследований показали применимость данных трех гипотез для анализа межкультурных отношений на постсоветском пространстве и высветили важную роль социокультурного контекста и межкультурной политики для гармонизации межэтнических отношений в разных странах и регионах. В заключении авторы приводят ряд практических рекомендаций, основанных на результатах научных исследований.

Книга предназначена для психологов, социологов, этнологов, органов образования и национальной политики.

ISBN 978-5-8346-0349-8

© Коллектив авторов, 2017

© Оформление. Издательство
«Менеджер», 2017

Содержание

Введение	5
Глава 1. Взаимоотношения этнических групп в поликультурных обществах. <i>Джон У. Берри</i> ...	29
Раздел I. Межкультурные отношения в центральной России	55
Глава 2. Взаимная аккультурация мигрантов и принимающего населения в центральной России. <i>Т. Рябиченко, Н. Лебедева</i>	57
Глава 3. Межгрупповые установки принимающего населения и дискриминация мигрантов в России. <i>Д. Григорьев</i>	82
Глава 4. Психологическая адаптация москвичей к культурному многообразию: опыт качественного исследования. <i>Н. Лебедева, Д. Зубова</i>	121
Раздел II. Межкультурные отношения на Северном Кавказе	155
Глава 5. Межкультурные отношения кабардинцев, балкарцев и русских в Кабардино-Балкарской Республике. <i>З. Лепшокова</i>	156
Глава 6. Межкультурные отношения в Северной Осетии — Алании. <i>В. Галяпина</i>	186
Глава 7. Межэтнические отношения в современном Дагестане. <i>В. Галяпина, З. Лепшокова</i>	212
Глава 8. Социальный капитал, стратегии межкультурного взаимодействия и психологическое благополучие этнических групп Дагестана. <i>А. Татарко</i>	240
Глава 9. Роль межкультурных и монокультурных дружеских контактов во взаимодействии народов Дагестана. <i>З. Лепшокова</i>	276

Раздел III. Межкультурные отношения в Латвии, Литве и Азербайджане	299
Глава 10. Межкультурные отношения латышей и русских в постсоветской Латвии. <i>Н. Лебедева, А. Татарко</i>	301
Глава 11. Русские в литовском контексте: проверка трех гипотез межкультурных отношений. <i>Т. Рябиченко</i>	324
Глава 12. Ценности и межкультурные установки русских Литвы. Особенности поколений. <i>Т. Рябиченко, Н. Лебедева</i>	342
Глава 13. Межкультурные отношения между азербайджанцами и русскими в постсоветском Азербайджане. <i>В. Галяпина, Н. Лебедева</i>	363
Заключение	381
Глава 14. Проверка трех гипотез межкультурного взаимодействия в России и на постсоветском пространстве: мета-анализ. <i>Н. Лебедева, А. Татарко</i>	383
Глава 15. Рекомендации по улучшению межнациональных отношений в Российской Федерации.....	413
Список литературы	425
Приложение (примеры опросников).....	464
Abstracts	480
Об авторах	490

**Русские в Литве:
историко-демографическая справка**

Численность населения современной Литвы составляет чуть менее трех миллионов человек (Lietuvos statistikos departamentas, 2017). По данным последней всеобщей переписи населения 2011 г., в Литве проживают представители 154 национальностей. Наиболее многочисленным этническим меньшинством являются поляки (6,6%), за ними следуют русские (5,8%) (Lietuvos statistikos departamentas, 2011; 2013). Несмотря на достаточно высокую этническую гомогенность Литвы и существенное численное преобладание этнических литовцев (84,2% всего населения), вследствие исторически сложившейся неравномерности территориального распределения различных этнических групп, удельный вес этнических меньшинств в некоторых регионах страны является значительным. Большинство поляков компактно проживает в Вильнюсском уезде (эта группа численно доминирует в Вильнюсском (52% населения) и Шальчининкском районах (78%)), тогда как распределение русских носит дисперсный характер. Русское население преимущественно сконцентрировано в городах с разви-

той промышленностью: наибольшая часть живет в Вильнюсе (это примерно 12% населения столицы) и в Клайпеде (20%). Численным большинством русские являются только в Висагинасе — городе, в котором ранее действовала атомная электростанция (Матулионис, Фреюте-Ракаускене, 2014; Lietuvos statistikos departamentas, 2013).

Иммиграция русских на территорию Литвы происходила в разные периоды истории, и это сказывается на неоднородности русской общины. Наиболее ранние волны иммиграции были связаны еще с Великим княжеством Литовским, поселением укрывавшихся здесь от религиозных гонений и дискриминации старообрядцев в XVII веке, позже — притоком колонистов в XIX веке и белых эмигрантов в начале XX века (Касаткина, 1997; Марцинкявичюс, 2007; Матулионис, Фреюте-Ракаускене, 2014). Однако основной поток иммиграции русских пришелся на период интенсивной индустриализации Литвы после Второй мировой войны, когда Литва была в составе СССР. В течение этого периода в Литву переехало порядка 150 000 русских и представителей других национальностей, родной язык которых был русским (Kasatkina, Veresnevičiūtė, 2010). К 90-м годам XX века свыше 60% русских Литвы были заняты в промышленном секторе, и данный показатель был самым высоким по сравнению с остальными союзными республиками. При этом в структурах управления, в составе гуманитарной, научной и творческой интеллигенции представительство русских было чрезвычайно слабым. Несмотря на то, что этот факт вызывал недовольство у части русского населения, положение русских в «советский» период было до-

статочно стабильным. Русские занимали свою определенную нишу, и существующая неравномерность в отраслевом разделении труда в восприятии многих из них не была проявлением дискриминации (Касаткина, 2007).

После выхода Литвы из состава СССР и восстановления литовской государственности ситуация в стране существенно изменилась. Население Литвы сокращается, что вызвано как его естественной убылью, так и оттоком вследствие эмиграции. Больше всего (почти вдвое) за эти годы снизилось количество русских (*Матулионис, Фрейте-Ракаускаене, 2014*). Самой массовой была эмиграция русскоязычного населения в первые пять лет после восстановления государственности Литвы: тогда из страны выехало 96 000 человек, 58% из них были русскими (Касаткина, 2007). В последующие годы ситуация стабилизировалась, однако сильные эмиграционные тенденции существуют, особенно среди молодежи (*Beresnevičiūtė, 2011; Frėjutė-Rakauskienė, Šliavaitė, 2012*). Чаще всего русскими высказываются пожелания уехать в Россию, Великобританию и США (*Beresnevičiūtė, 2011*). На интенсивность миграции также повлияло вступление Литвы в Евросоюз, которое повлекло за собой «утечку мозгов» и изменение направления вектора миграции в целом, переориентировав его на страны Западной Европы, США и Канаду (Касаткина, 2007). К дополнительным факторам снижения количества русских относят также сокращение рождаемости и ассимиляцию (*Leončikas, 2007*).

Политический и социальный контекст адаптации русских

После провозглашения независимости Литовского государства правовые проблемы, связанные с этническими меньшинствами, были решены положительно, что стало существенным отличием Литвы от соседних Латвии и Эстонии. В частности, в 1991 г. был принят «нулевой» вариант Закона о гражданстве, в соответствии с которым право на гражданство предоставлялось всем, кто тогда постоянно проживал и работал в Литве. Этим правом воспользовалось подавляющее большинство населения, и в настоящее время 99.3% постоянных жителей страны имеют литовское гражданство, что частично способствует увеличению возможностей интеграции русских в литовское общество (Матулионис, Фреюте-Ракаускене, 2014). В то же время распад СССР повлек за собой не только гражданскую ассимиляцию русских в Литве, но и изменение их культурной идентичности, проявившееся в частичной ее десоветизации, на смену которой пришли усиление этнического компонента идентичности и модернизация (Potashenko, 2010).

Права культурных меньшинств и защита от дискриминации, основанной на этнической принадлежности, гарантированы Конституцией Литвы (Budrytė, 2010). В 1997 году Европейская комиссия удовлетворительно оценила положение этнических меньшинств в Литве, указав на Закон о гражданстве 1991 года как основной источник вклада в эту оценку. Положительную оценку также заслужили возможность получения образования на родном языке в финансируемых за счет государства школах и право на использование родного языка для «официальной

коммуникации» в районах, где этнические меньшинства представляют численное большинство (Budrytė, 2010).

Однако уже на первом этапе становления обновленной литовской государственности основной акцент был сделан на возрождение лишь литовской культурной идентичности и развитие одного государственного языка — литовского. Поэтому социальные перемены, последовавшие за восстановлением литовской государственности, для представителей групп меньшинств оказались особенно болезненными. К числу таких перемен для русских можно отнести резкое изменение статуса, когда русские стали этническим меньшинством, и разрушение прежних социальных ниш в связи с переструктуризацией экономики, поставившие перед русскими вопросы выбора стратегии социальной и культурной адаптации (Касаткина, 2007).

Динамика уменьшения количества школ с литовским, русским и польским языками обучения с 2001 по 2011 г. показывает, что в наибольшей степени уменьшение количества школ коснулось русских школ: за 10 лет их количество уменьшилось почти на 60%. Польских школ стало меньше на 36%, литовских — на 25%. Эти различия свидетельствуют о том, что процесс вызван не только общим снижением численности населения в стране, но и другими факторами. Это, во-первых, реорганизация сети школ, которая большинством русских была воспринята как целенаправленное закрытие. Во-вторых, это переход учеников из русских школ в литовские как проявление социальной мобильности представителей данной группы (Leončikas, 2007; Petrušauskaitė, Pilinkaitė-Sotirovič, 2012). Уменьшение количества

школ с русским языком обучения не только снизило возможности получения образования на родном языке, но и ведет к снижению роли школы как социального института в воспроизводстве русской этнической идентичности (Petrušauskaitė, Pilinkaitė-Sotirovič, 2012).

В 2011 г. были приняты поправки к Закону об образовании, в соответствии с которыми были уравнены требования, предъявляемые к знанию государственного языка на выпускных экзаменах к ученикам всех школ Литвы, независимо от языка обучения. К числу обязательных требований относится и преподавание некоторых предметов (например, истории и географии Литвы) только на литовском языке. Эти изменения вызвали протесты со стороны некоторых представителей групп этнических меньшинств, в частности, поляков и русских, несмотря на то, что в повседневном взаимодействии большинство из них используют литовский язык в качестве основного (Glāvan, Andrievschi-Bartkiene, 2012; Muiznieks et al., 2013; Šliavaitė, 2015).

Во властных структурах Литвы русские практически не представлены (Kasatkina, Beresnevičiūtė, 2010), что снижает их возможности влиять на политику и принимаемые в государстве решения. В 2010 г. перестал действовать Закон о национальных меньшинствах, принятый в 1989 г. В настоящее время основные направления политики в отношении меньшинств определяются только подзаконными актами (программы интеграции, утверждаемые постановлениями правительства). В 2010 г. был реорганизован Департамент национальных меньшинств и эмигрантов, а большая часть полномочий по реализации политики интеграции меньшинств была пе-

редана Министерству культуры, для которого эти вопросы не являются первостепенными (Petrušauskaitė, Pilinkaitė-Sotirovič, 2012).

Как отмечает Д.Будрите, официальный исторический дискурс в Литве, как и в остальных постсоветских государствах, представляет память о политике «советского геноцида», которая рассматривается через призму депортаций и русификации в советское время, что стало источником возникновения опасений за сохранение титульными этносами своей культуры и языка. Автор также указывает на существование двух трендов в национальной политике Литвы. С одной стороны, для того чтобы стать «хорошими европейцами», литовское правительство принимает лояльные по отношению к меньшинствам законы и реализует различные программы. С другой — прилагаются постоянные усилия для укрепления именно «этнического ядра» государства, что в первую очередь вызвано воспоминаниями о советской национальной политике (Budrytė, 2010).

Что касается установок титульного населения по отношению к русским, то с точки зрения социальной дистанции, они являются достаточно благоприятными (Grėjutė-Rakauskienė, 2012). Однако в средствах массовой информации проблемы, связанные с русскими, такие как, например, образование на русском языке, трансляция российских телевизионных каналов, помощь России русским общественным организациям часто политизируются, что может стать основой для проявления интолерантных установок по отношению к данной группе. Несмотря на положительный потенциал, связанный с поликультурностью и многоязычностью территорий, на которых совместно проживают этнические меньшинства и титульное

население — литовцы, исследователи констатируют существование проблем межэтнического общения, которые проявляются и в повседневном взаимодействии, и в различных институциональных секторах, таких как, например, образование (Balžekienė et al., 2008).

Можно утверждать, что проблема адаптации этнических меньшинств в Литве до сих пор не решена до конца. Вследствие преимущественной «однополярности» общества возникают проблемы, связанные с сохранением идентичности и культуры, выбором языка обучения (родного или литовского) для детей из семей этнических меньшинств, в том числе — русских (Kasatkina, Leončikas, 2000, Leončikas, 2007; Kasatkina, Beresnevičiūtė, 2010).

Эмпирическая проверка трех гипотез межкультурных отношений

Большое количество исследований, посвященных адаптации и интеграции русского этнического меньшинства в Литве, проведено в рамках социологического направления. В этих исследованиях были выявлены трудности, испытываемые русскими в процессе интеграции в литовское общество, существование связанных с адаптацией проблем, а также наличие установок на ассимиляцию у части русского населения и процессов трансформации идентичности. В то же время выявление комплекса психологических факторов, взаимосвязанных с особенностями интеграции и адаптации русских в литовском обществе, также является необходимым. Поэтому основной целью нашего исследования была проверка трех гипотез межкультурных отношений: мульти-

культурализма, контакта и интеграции (Berry, 2013; Lebedeva et al., 2016), в группе русских Литвы.

Дисперсное расселение и относительно небольшой удельный вес русских в общем населении страны может увеличить вероятность выбора или стратегии ассимиляции (Эхала, Забродская, 2011). Предыдущие исследования выявили существование ассимиляционных процессов (Leončikas, 2007), поэтому дополнительно были проверены взаимосвязи воспринимаемой безопасности и контактов со стратегией ассимиляции, а также ассимиляции и показателей психологической адаптации — удовлетворенности жизнью и самоуважения.

Теоретическая модель, проверявшаяся в исследовании, представлена на рис 1.

Методология

В исследовании использовался метод социально-психологического опроса. Респондентам была предложена анкета, в которую вошли вопросы шкал опросника MIRIPS (<http://www.victoria.ac.nz/cacr/research/mirips>), переведенного на русский язык и адаптированного в предыдущих исследованиях (Стратегии межкультурного взаимодействия..., 2009): *межкультурных контактов, воспринимаемой безопасности, этнической толерантности, мультикультурной идеологии, стратегий аккультурации — интеграции и ассимиляции, самоуважения, удовлетворенности жизнью.*

Исследование проводилось в Вильнюсе и Вильнюсском районе. В нем приняли участие 290 респондентов в возрасте от 15 до 84 лет (средний возраст составил 27.3 года), из них — 103 мужчины (35.5%) и 187 женщин (64.5 %).

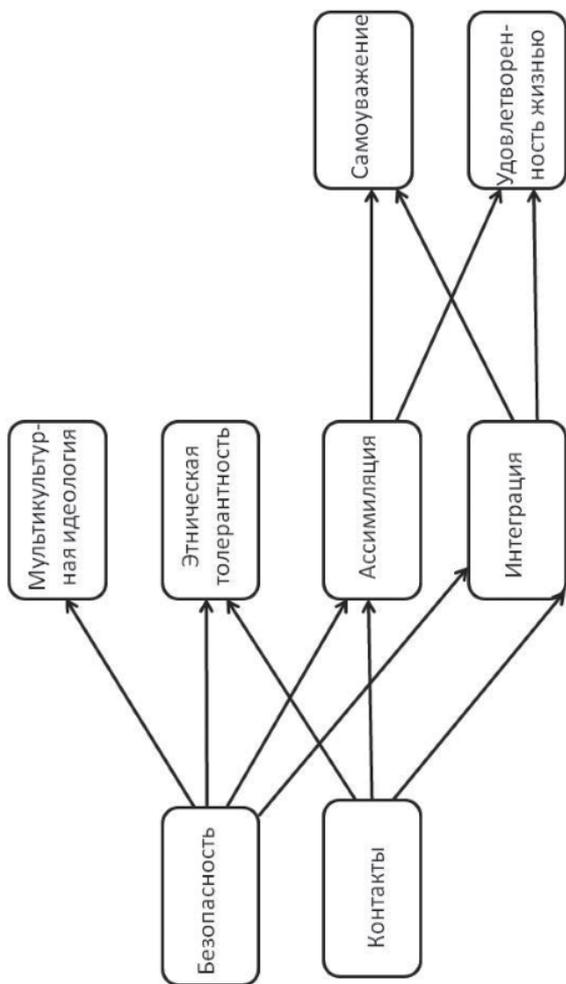

Рис. 1. Теоретическая модель для проверки трех гипотез межкультурных отношений.

Обработка данных

Для проверки гипотез был использован путьевой анализ, представляющий собой частный случай моделирования структурными уравнениями (Kline, 1998). Предложенная теоретическая модель (см. рис. 1) была проверена при помощи приложения SPSS AMOS 20 (Arbuckle, 2011).

Результаты

Средние, стандартные отклонения, α -Кронбаха и корреляции между использованными в исследовании переменными приведены в Таблице 1.

Как видно из представленной таблицы, установки русских на интеграцию ($M=4.16$) значительно выше, чем установки на ассимиляцию ($M=1.68$). Высокими являются показатели этнической толерантности ($M=4.20$) и самоуважения ($M=4.15$). Обнаружены значимые корреляции между воспринимаемой безопасностью и показателями психологической адаптации: удовлетворенностью жизнью ($r=.29$, $p<.001$) и самоуважением ($r=.17$, $p<.01$). Корреляция между воспринимаемой безопасностью и уровнем межкультурных контактов также оказалась положительной ($r=.16$, $p<.01$). Корреляционные связи стратегий интеграции и ассимиляции с мультикультурной идеологией и этнической толерантностью имеют противоположные знаки: для интеграции они являются положительными ($r=.23$, $p<.001$ и $r=.28$, $p<.001$), для ассимиляции — отрицательными ($r=-.14$, $p<.05$ и $r=-.28$, $p<.001$). Помимо этого, противоположными оказались и знаки корреляционных связей этих двух стратегий с самоуважением, то есть одним из показателей психологи-

Таблица 1

Средние, стандартные отклонения, α -Кронбаха и корреляции между переменными

Шкалы	1	2	3	4	5	6	7	8
1. Безопасность	-							
2. Контакты	.16**	-						
3. Мультикультурная идеология	.07	.03	-					
4. Этническая толерантность	-.11	-.05	.38***	-				
5. Интеграция	.02	.23***	.29***	.28***	-			
6. Ассимиляция	.18**	.17**	-.14*	-.28***	-.15**	-		
7. Удовлетворенность жизнью	.29***	.07	-.02	-.05	.03	.06	-	
8. Самоуважение	.17**	.13*	.08	.09	.19**	-.13*	.42***	-
M	2.39	3.09	3.65	4.20	4.16	1.68	3.27	4.15
SD	.63	1.34	.63	.85	.71	.66	.89	.57
α -Кронбаха	.53	.82	.51	.65	.71	.67	.81	.68

Примечание. M — среднее, SD — стандартное отклонение. * — $p < .05$, ** — $p < .01$, *** — $p < .001$.

ческой адаптации: положительный для интеграции ($r = .19, p < .01$) и отрицательный для ассимиляции ($r = -.13, p < .05$).

Результаты путевого анализа приведены на рис. 2 и в табл. 2. О хорошем соответствии путевой модели эмпирическим данным свидетельствуют полученные для нее показатели: $\chi^2/df = 1.90$; $RMSEA = .05$; $CFI = .97$; $SRMR = .04$ (см. Ну, Bentler, 1999).

Таблица 2

Стандартизированные коэффициенты регрессионных связей, полученные в путевой модели

Предикторы	Мультикультурная идеология	Толерантность	Интеграция	Ассимиляция	Самоуважение	Удовлетворенность жизнью
Безопасность	.07	-.10	-.02	.16**	-	
Контакты	-	-.04	.23**	.15**	-	-
Интеграция	-	-	-		.17**	.04
Ассимиляция	-	-	-	-	-.10	.03
R ²	< .001	.01	.06	.05	.04	.01

Примечание. * $p < .05$; ** $p < .01$; *** $p < .001$; R² — коэффициент детерминации.

Гипотеза мультикультурализма. Для воспринимаемой безопасности значимых взаимосвязей с мультикультурной идеологией и этнической толерантностью не обнаружено. Взаимосвязь безопасности и стратегии интеграции также оказалась незначимой. В то же время данный показатель оказался предиктором стратегии ассимиляции ($\beta = .16, p < .01$).

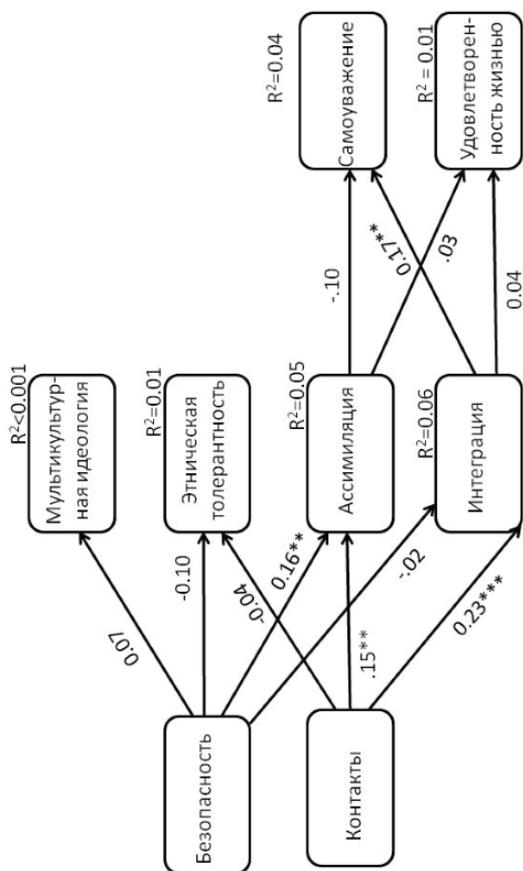

Рис. 2. Результаты путевого анализа.

Примечание. На рисунке показаны стандартизированные коэффициенты регрессионных связей и не показаны корреляционные связи; * — $p < .05$; ** — $p < .01$; *** — $p < .001$; R^2 — коэффициент детерминации

Гипотеза контакта. Межкультурные контакты положительно взаимосвязаны как со стратегией интеграции ($\beta = .23$, $p < .01$), так и со стратегией ассимиляции ($\beta = .15$, $p < .01$), но не связаны с уровнем этнической толерантности.

Гипотеза интеграции. Стратегия интеграции положительно взаимосвязана с самоуважением ($\beta = .17$, $p < .01$). Связи интеграции и удовлетворенности жизнью не обнаружено. Также мы не нашли статистически значимых взаимосвязей стратегии ассимиляции ни с одним из показателей психологической адаптации.

Обсуждение результатов и выводы

Проведенное в Литве исследование показало, что русские Литвы в значительно большей степени ориентированы на интеграцию, чем на ассимиляцию, что свидетельствует об их стремлении к полноценному участию в жизни литовского общества, и ориентации на сохранение своей этнической культуры. Сходные результаты были получены в исследовании, проведенном среди русских Латвии (Pisarenko, 2006), а также в исследованиях аккультурации и адаптации мигрантов в других странах (см., например, Berry et al., 2006; Nguyen, Benet-Martinez, 2013; van de Vijver, Phalet, 2004). В то же время в исследовании в Литве, в отличие от результатов исследования в Латвии (Lebedeva et al., 2016), была обнаружена положительная взаимосвязь уровня межкультурных контактов и воспринимаемой русскими безопасностью. Это служит свидетельством отсутствия изоляции группы русских от группы большинства в литовском обществе, а также отсутствия восприятия русскими угрозы при межкультурном взаимодействии.

Гипотеза мультикультурализма в данной группе не подтвердилась: воспринимаемая безопасность оказалась невзаимосвязанной с мультикультурной идеологией и с этнической толерантностью, что может быть связано с контекстуальными факторами, к числу которых можно отнести недовольство школьной реформой и закрытием русских школ, недостаточную представленность русских в органах власти. Такой же результат был получен для русского меньшинства в Латвии (Lebedeva et al., 2016). В исследовании в Литве была найдена положительная взаимосвязь воспринимаемой безопасности и установок русских на ассимиляцию, что может быть объяснено низким уровнем воспринимаемой безопасности в исследуемой группе. Как показали предыдущие исследования, ассимиляционные и маргинализационные тенденции наиболее характерны для тех представителей русского этнического меньшинства, которые занимают более низкие социальные позиции в обществе, в противоположность тем, чей статус в обществе способствует стабильности социального положения и сохранению идентичности (Petrušauskaitė, Pilinkaitė-Sotirovič, 2012).

В соответствии с гипотезой контакта, чем выше уровень контактов представителей этнических меньшинств с группой большинства, тем выше уровень взаимного принятия между представителями этих групп. Данная гипотеза нашла частичное подтверждение: межкультурные контакты русских оказались положительно взаимосвязанными как со стратегией интеграции, так и со стратегией ассимиляции. Обе эти стратегии сходны в степени принятия культуры доминирующего общества, соответственно межкультурные контакты способствуют этому приня-

тию. При этом взаимосвязи контактов с толерантностью обнаружено не было. Результаты проверки гипотезы контакта в группе русских в Литве полностью совпали с результатами проведенного среди русских Латвии исследования (Lebedeva et al., 2016).

Гипотеза интеграции частично подтвердилась: найдена позитивная взаимосвязь стратегии интеграции и самоуважения, что совпадает с результатами мета-анализа, в котором были выявлены адаптационные преимущества бикультурализма, то есть результата интернализации двух или более культур или интеграции в терминах теории аккультурации Дж. Берри (Nguyen, Benet-Martinez, 2013). В то же время среди русских Литвы не было обнаружено взаимосвязи стратегий интеграции и ассимиляции с удовлетворенностью жизнью. В случае ассимиляции на уровне тенденции наблюдается отрицательная взаимосвязь предпочтения стратегии ассимиляции и самоуважения. Получается, что существование ориентации на сохранение собственной культуры и контакты с представителями своей этнической группы, являющиеся главными отличиями стратегии интеграции от ассимиляции, взаимосвязаны с самоуважением представителей русского этнического меньшинства в Литве.

Результаты исследования демонстрируют, что стратегия ассимиляции для русских в Литве является возможным (о чем свидетельствуют найденные взаимосвязи воспринимаемой безопасности и межкультурных контактов с этой стратегией), но не преобладающим и желательным на сегодняшний день выбором. С точки зрения психологической адаптации, стратегия интеграции оказывается более успешной,

доказательством является обнаруженная положительная взаимосвязь интеграции и самоуважения.

Основным ограничением данного исследования является то, что в нем не участвовала группа большинства, что сделало невозможным сравнение взаимных установок русских и литовцев. Кроме того, при сборе данных использовалась техника «снежного кома», в результате в нем приняли участие только представители Вильнюсского региона, в основном — жители столицы, что не дает возможности генерализации полученных результатов и выводов.

